

© 2023 г.

А.А. ЭНДРЮШКО

БРАЧНЫЙ ВЫБОР ИММИГРАНТОВ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СВЯЗЬ С ИНТЕГРАЦИЕЙ

ЭНДРЮШКО Анна Александровна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (anna.endryushko@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена брачному выбору иммигрантов из постсоветских стран в России и его связи с интеграцией в принимающее общество. На материалах двух социологических обследований иностранных граждан из СНГ, Украины и Грузии (2017 и 2022 гг.) рассматриваются основные социальные и этнокультурные особенности брачного выбора иммигрантов, анализируются показатели интеграции двух групп иностранцев: супруги которых имеют и не имеют российского гражданства. Показано, что «импортирование» супругов с родины является основным трендом выбора партнера иммигрантами. Вместе с тем состоящие в браке с россиянами иностранные граждане лучше интегрируются в российское общество, чем имеющие партнера-соотечественника. Это касается не только социально-экономической и правовой интеграции, но и культурной, в том числе открытости и доверия «иным», а также модернизации ценностных установок в части гендерного равенства и личной свободы.

Ключевые слова: смешанные браки • культурная интеграция • ценности иммигрантов • этнокультурная дистанция • этническая идентичность

DOI: 10.31857/S013216250026581-2

Введение и теоретические основания исследования. Иностранные граждане, приезжающие в Россию на заработки (преимущественно из постсоветских государств), постепенно включаются в жизнь принимающего социума и могут заключать браки с местными жителями, даже если это не было целью миграции. Оценить масштабы смешанных браков между иностранцами и россиянами сложно ввиду ограниченности статистических данных¹. С.С. Бирюкова определила долю браков с участием иностранных граждан в 6,4% от общего числа в стране. Наиболее высокие показатели в Московском и Ленинградском регионах² (принимающих основную долю мигрантов)³ [Бирюкова, 2015: 26–27]. Другое исследование также показало, что браки россиян с иностранцами в 2018 г. составляли 7% от общего числа в стране, а свыше 80% зарубежных женихов и невест приходится на граждан стран постсоветского пространства [Сивоплясова, 2020: 59–60].

¹ Данных о браках россиян с иностранными гражданами фактически нет в открытом доступе, особенно в общероссийском масштабе. Они могут быть доступны по специальному запросу в органы записи актов гражданского состояния (ЗАГС) отдельного региона или фрагментарно встречаться в отчетах государственных органов.

² Имеются в виду города федерального значения Москва и Санкт-Петербург вместе с областями.

³ В данной статье автор использует термины «иммигрант» и «мигрант» как синонимы.

Браки иммигрантов и местных жителей могут оказывать значительное влияние на интеграционные процессы в правовой (как юридически значимые события) и других сферах жизни. Классическая теория ассимиляции [Park, 1928; Stonequist, 1937] рассматривала смешанные браки как лакмусовую бумажку ассимиляции меньшинств в мультикультурных обществах. Позднее такой подход трансформировался, теоретики сегментной ассимиляции [Portes, Zhou, 1993] показали, что встраивание мигрантов зависит от структурных и индивидуальных факторов. Это касается и браков: мигранты могут выбирать партнера⁴ из местных жителей, из другого сообщества мигрантов или своей группы.

Для иммигрантов супружеская эндогамия является ожидаемым последствием различий в социально-экономическом положении и культурных ценностях с местным населением [Kalmijn, 1998]. В Европе экзогамия выше среди мигрантов, чья культура и вера схожи с западноевропейскими [Lucassen, Laarman, 2009]. Уровень человеческого капитала также является важным индивидуальным фактором. Смешанные браки чаще всего связывают с более высоким уровнем образования приезжих [Kalmijn, van Tubergen, 2006; van Tubergen, Maas, 2007].

Взаимосвязь между брачным выбором и интеграцией иммигрантов более сложна, чем это обычно предполагается. Помимо того что смешанные браки показывают степень интеграции приезжих в принимающее общество, они усиливают социальное взаимодействие, которое само по себе может способствовать этой интеграции. Есть литература, где доказывается, что браки с местными жителями являются индикатором интеграции иммигрантов [Meng, Gregory, 2005; Kantarevic, 2004]. Есть свидетельства, что интеграция является следствием смешанных браков, а не их индикатором или предиктором [Meng, Meurs, 2006]. М. Сонг утверждает, что сами по себе смешанные браки не означают социального признания, поскольку их опыт может различаться в зависимости от пола, класса и региона [Song, 2009]. Интеграционные эффекты также приписывают процессу самоотбора, а не «надбавке» за смешанные браки.

В российских исследованиях затрагивается главным образом тема межнациональных (межэтнических) браков [Сороко, 2015; Лурье, 2018 и др.]. Браки с иностранными гражданами исследуются реже [Бирюкова, 2015; Сивоплясова, Рязанцев, 2021; Сигарева, Сивоплясова, 2022 и др.], и чаще подобные работы посвящены демографическим эффектам таких союзов. Исследования брачного выбора мигрантов в контексте их интеграции в российское общество не получили должного внимания отечественной науки. Данная статья призвана в определенной мере восполнить этот пробел и посвящена брачному выбору иммигрантов из постсоветских стран в России, возможной связи между смешанными браками и интеграцией иммигрантов в российском контексте.

Эмпирическая база исследования. Изучение экзогамных и эндогамных браков различается в разных миграционных контекстах. В данной статье под смешанным браком мы будем подразумевать союз между иностранцами и гражданами РФ. Мы предполагаем, что выбор в качестве супругов россиян (русских и людей других национальностей) связан не только с экономической и правовой интеграцией иммигрантов, но и культурной – более модернизированными представлениями и ценностями.

Эмпирическую основу исследования составили данные двух социологических обследований: 1) опрос иностранных граждан, проведенный Центром этнополитических и региональных исследований для НИУ ВШЭ весной 2017 г. в 19 регионах РФ. Квотная выборка составила 8577 респондентов из стран СНГ, Украины и Грузии; 2) опрос, проведенный сотрудниками Сектора изучения интеграционных и миграционных процессов ИС ФНИСЦ РАН в ноябре 2020 г. Опрошены 700 граждан стран СНГ, Украины и Грузии в Москве и Московской области. Исследования различались техникой опроса: опрос 2017 г. – PAPI (Paper Assisted Personal Interview), опрос 2020 г. – CATI (Computer Assisted Telephone Interview).

⁴ Здесь и далее термин «партнер» употребляется в отношении как зарегистрированных, так и незарегистрированных союзов.

Индикатором брачного выбора иммигрантов в обоих обследованиях были ответы на вопрос: «Какое гражданство имеет ваша жена (ваш муж)/партнер), живущая(ий) здесь с вами?»

Охарактеризуем выборочную совокупность. Опрашивали иммигрантов разного пола и возраста: в опросе 2020 г. – 66,9% мужчин; в возрасте до 30 лет – 36,7%, от 30 до 40 лет – 29,1%, от 40 до 50 лет – 24,4%, старше 50 лет – 9,7%; в опросе 2017 г. – 67,7% мужчин; в возрасте до 30 лет – 39,9% опрошенных, от 30 до 40 лет – 28,9%, от 40 до 50 лет – 19,9%, старше 50 лет – 11,4%. Значительная доля опрошенных (62,4% в 2017 г. и 63,4% в 2020 г.) состоит в той или иной форме брака – зарегистрированный, религиозный или гражданский⁵ (табл. 1).

Около половины опрошенных, имеющих партнеров, проживают с ними в России (52,2% в 2017 г. и 46,4% в 2020 г.). Партнеры, проживающие с иммигрантами в России, в основном являются иностранцами с тем же гражданством: 74,1% в общероссийском измерении, 68,4% – в Москве и области (табл. 2). Вместе с тем почти четверть опрошенных – 26,1% в столичном регионе и 22,2% в общероссийской выборке – сказали, что состоят в браке с россиянами (гражданами РФ).

Данные 2020 г. показывают, что супруги с иностранным гражданством в подавляющем большинстве той же этничности, что и респондент (87,2%)⁶, а партнеры-россияне чаще русские – «своих» среди них около 20%⁷, столько же людей иной национальности (табл. 3).

Проведенное исследование имеет ограничения. Во-первых, мы спрашивали только о партнерах, проживающих с мигрантами в России, чтобы оценка влияния брачного выбора на интеграцию была более равномерной. Семьи «по обе стороны государственных границ» – вне рамок данной работы. Во-вторых, мы не можем сказать, является ли тот

Таблица 1

**Семейное положение и разные формы браков иммигрантов,
в % от числа опрошенных**

Каково ваше семейное положение?	2017	2020
Никогда не состоял(а) в браке (не был(а) женат/замужем)	28,1	24,5
Состою в зарегистрированном браке (официально женат/замужем)	55,7	49,1
Состою в религиозном браке	1,4	8,8
Гражданский брак	5,3	5,5
Разведен(а)	6,8	8,5
Вдовец/вдова	2,4	3,4
Нет ответа, з/о	0,3	0,1

Таблица 2

Гражданство супругов-иммигрантов, в % от проживающих в РФ с партнером

Какое гражданство имеет ваш(а) муж/жена, живущий(ая) здесь с вами?		2017	2020
Российское		22,2	26,1
Иностранное		76	73,8
в т.ч.	такое же, как у респондента	74,1	68,4
	другое	1,9	5,4
Нет ответа		1,8	0,1

⁵ Под гражданским браком мы имеем в виду незарегистрированный союз/сожительство.

⁶ В опросе 2017 года не спрашивалось об этнической принадлежности супругов.

⁷ Их миграционное прошлое неизвестно. Это могут быть «свои» как переехавшие в разный период времени, так и родившиеся в РФ.

Таблица 3

**Гражданство и национальность супругов-иммигрантов, 2020 г.,
в % от проживающих с партнером в РФ**

Гражданство мужа/жены	Национальность супругов			Всего
	русский(ая)	такая же, как у респондента	другая	
Иностранное	4,3*	87,2	8,5	100
Российское	58,3	21,7**	20,0	100

Примечания. *Этот вариант отметили только граждане Узбекистана и Украины; **Более, чем для других, характерно для граждан Армении и Киргизии.

брак, о котором говорит респондент, единственным (уточняющих вопросов в исследовании не задавалось). Возможна ситуация, когда иммигрант имеет более одного союза разной формы (на родине и в России). В-третьих, по этой же причине наши данные об альтернативных формах союзов (например, многоженство или однополые) существенно ограничены. Наконец, на имеющихся данных мы не можем проанализировать напрямую мотивы и факторы выбора брачного партнера иммигрантами.

Брачный выбор и интеграция иммигрантов. Проанализируем параметры интеграции двух групп иммигрантов, проживающих в России с партнерами, супруги которых имеют и не имеют российского гражданства.

Выбор в качестве супругов граждан РФ различается между иммигрантами разных стран исхода. Наибольшие доли таковых – среди выходцев из Беларуси, Казахстана, Молдовы, а также Азербайджана и Украины, наименьшие – среди граждан Киргизии, Таджикистана и Узбекистана (табл. 4).

Страновые различия могут быть связаны не только с культурными особенностями мигрантов из той или иной страны. Исследователи отмечают, что среди небольших групп мигрантов можно ожидать более высокого числа смешанных браков, независимо от культурной дистанции [van Tubergen, Maas, 2007]. В табл. 4 видна значительная доля смешанных браков среди мигрантов из Закавказья. Миграционные потоки из этих стран в последние годы гораздо ниже, чем из государств Средней Азии, а значит меньше и сами группы этнических мигрантов⁸.

Таблица 4

**Гражданство супругов-иммигрантов разных стран исхода, 2017 г.,
в % от проживающих в РФ с партнером**

Какое гражданство имеет ваш супруг(а), проживающие с вами в России?	Страна исхода иммигранта									
	Азербайджан	Армения	Белоруссия	Грузия	Казахстан	Киргизия	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина
Иностранное	68,9	75,9	63,1	69,8	64,2	87,4	67,9	86,6	86,7	70,7
Российское	31,1	36,9	30,2	30,2	35,8	12,6	32,1	13,4	13,3	29,3
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание. χ^2 Пирсона = 124,79, значимо на уровне 0,001.

⁸ Безусловно, может играть роль и давность миграции. Об этом мы говорим далее в статье.

Таблица 5

**Брачный выбор мигрантов разного пола и возраста, в 2017 г.,
в % от проживающих в РФ с партнером**

Демографические характеристики		Гражданство мужа/жены	
		иностранное	русское
Пол*	Мужской	50,7	56,4
	Женский	49,3	43,6
Возраст**	18–24 года	6,2	10,9
	25–34 года	37,7	40,0
	35–44 года	32,9	29,0
	45–54 года	18,4	14,3
	55 лет и старше	4,8	5,8

Примечания. * χ^2 Пирсона = 6,29, значимо на уровне 0,05. ** χ^2 Пирсона = 23,04, значимо на уровне 0,001.

Брачный выбор связан с демографическими характеристиками иностранцев. Мужчины-иммигранты чаще выбирают партнершу с российским гражданством, нежели женщины супругов-россиян (табл. 5). Также выбор супруга с гражданством РФ более характерен для молодых респондентов: в возрастных группах 18–24 и 25–34 года больше тех, кто состоит в браке с россиянами, чем с иностранными гражданами⁹.

В брачном выборе иммигрантов в России имеет значение уровень образования. Среди тех, у кого супруги – граждане РФ, больше людей со средним профессиональным и высшим образованием – 29,2 и 32,5% против 23,8 и 21,9% у тех, кто состоит в браке с соотечественниками, соответственно (данные 2017 г., $\chi^2 = 58,83$, значимо на уровне 0,001). В группе состоящих в партнерстве с иностранцами, напротив, наблюдается большая доля респондентов с начальным профессиональным, средним общим образованием и ниже (суммарно 54,2 против 38,4% опрошенных, чьи супруги – граждане РФ).

Респонденты с партнерами-россиянами в основном являются долгосрочными мигрантами (62,9%), однако среди них есть почти треть (31,6%) циркулярных, а также 5,5% впервые прибывших¹⁰ (данные 2017 г.). Среди состоящих в браке с иностранными гражданами 49,4% долгосрочных иммигрантов, 40,8% циркулярных, 9,8% впервые прибывших.

Вероятность вступить в брак с гражданами страны приема также связывают с давностью прибытия иммигранта¹¹. Среди респондентов, состоящих в браке с иностранными гражданами, большая доля приходится на приехавших в более поздние годы (после

⁹ Подобные закономерности отмечались и при исследовании межэтнических браков советского периода (см.: [Суколов, 1987]), а именно: а) широкая экзогамия женщин в русской культурной среде, в то время как, например, у армянок, евреек или мусульманок женская экзогамия – явление нечастое; б) большая распространенность смешанных браков среди молодежи, поскольку они менее строги в части соблюдения традиций.

¹⁰ К «долгосрочным» мигрантам мы относим не выезжающих из России год и более, к «циркулярным» – проводящих в РФ не более года, а к «впервые прибывшим» – тех, кто приехал в страну в первый раз не позднее, чем за 14 месяцев до проведения опроса. Категории долгосрочности миграции были выделены В.И. Мукомелем [2013: 10].

¹¹ Например, в Испании марокканские мужчины, вступающие в эндогамный брак, в среднем делают это через три года после миграции, в то время как те, кто женится на немарокканке, делают это в среднем через восемь лет после переезда [González-Ferrer et al., 2018].

Таблица 6

Взаимосвязь давности прибытия иммигранта в Россию и гражданства его супруга(и)
в % от проживающих в РФ с партнером

Годы прибытия в РФ	2017*		2020**	
	гражданство супругов			
	иностранное	русское	иностранное	русское
1992–2000	12,9	22,8	14,10	13,80
2001–2010	38,7	40,0	41,70	51,70
2011–2017/2020	48,4	37,2	44,20	34,50

Примечания. * χ^2 Пирсона = 43,65, значимо на уровне 0,001. ** χ^2 Пирсона = 21,56, значимо на уровне 0,005.

2011 г.). В группе состоящих в паре с россиянами преобладают иммигранты, начавшие миграционную «карьеру» в 2001–2010 гг., то есть более 7–10 лет назад (табл. 6).

Иммигранты, имеющие супругов-россиян, имеют преимущества в социально-экономической сфере – подавляющая часть проживает в отдельном доме или квартире, в то время как иммигранты с супругами-иностранцами чаще делят жилье с другими или живут в общежитии (81 против 63,7%; 33,6 и 18% соответственно). Кроме того, 29% первых имеют собственное жильё (среди вторых – 6,9%). Имеющие партнера-россиянина чаще проживают на его территории (14,9%), чем те, чьи супруги – иностранцы (0,9%).

Браки иммигрантов с россиянами связывают с возможностями легализации иностранцев. Однако наши данные демонстрируют, что в обоих сравниваемых группах доли респондентов, являющихся документированными и недокументированными¹², значимо не различаются. Различия видны по конкретным документам, в частности наличию вида на жительство (ВНЖ), которое есть у 10,7% состоящих в браке с иностранцами и 28,2% – с россиянами (данные 2017 г.). Это может говорить как о связи брачного выбора иммигрантов с получением разрешительных документов, так и о вступлении в брак с гражданами РФ тех иностранцев, которые прочно обосновались в стране приема и оформили статус постоянно проживающего.

В то же время планы респондентов из двух сравниваемых групп на получение тех или иных разрешительных документов различаются. Так, намерение натурализоваться в гораздо большей степени характерно для иммигрантов, которые состоят в браке с россиянами (табл. 7).

В предыдущих исследованиях мы показали, что намерение получить российское гражданство для основной части мигрантов – это не способ облегчения вхождения на российский рынок труда, а желание остаться жить в России [Адаптация и интеграция..., 2022: 268–280]. Планы иммигрантов, состоящих в браке с россиянами, также можно рассматривать как сознательный выбор интеграции в принимающее общество¹³.

Подтверждает этот вывод и то, что абсолютное большинство тех, кто состоит в браке с гражданами РФ, намерены остаться жить в стране приема навсегда (82,3%), еще 6,5% планируют постоянно ездить между двумя государствами, и только 4,5% хотят вернуться на родину через несколько месяцев или лет. Планы тех, кто состоит в браке

¹² Имеющими и не имеющими весь необходимый перечень документов для жизни/работы в России.

¹³ Стоит отметить, что случаи так называемых «фиктивных браков», когда иностранцы сознательно женятся на гражданах РФ ради получения российского паспорта, наверняка имеют место, однако в рамках нашего исследования их выделение и анализ не представляются возможными.

Таблица 7

**Планы иммигрантов на получение разрешительных документов в зависимости
от гражданства супругов, 2017 г.,
в % от проживающих в РФ с партнером**

Вы планируете получить какие-либо из перечисленных документов?	Гражданство мужа/жены	
	иностранное	российское
Разрешение на временное проживание	17,1	18,3
Вид на жительство	21	26,1
Российское гражданство	42,1	64
Не думал об этом	25,1	7
з/о	12,4	4,4

Примечание. Возможно несколько вариантов ответа.

с соотечественниками, выглядят менее определенными – остаться навсегда в России хотят только половина проживающих здесь с партнером (52,2%), почти четверть (23,4%) намерены вернуться на родину через несколько месяцев или лет, ещё 16% собираются жить на две страны.

Поскольку мы говорим о семейных мигрантах, планы на образование детей также являются значимым показателем нацеленности на интеграцию (в данном случае межпоколенческую). Вне зависимости от того, в какой стране сейчас проживают дети, основная часть опрошенных в обоих сравниваемых группах планирует дать им образование в России (59,6 и 82,4% соответственно для состоящих в браке с иностранцами и россиянами). Однако ориентация на обучение детей в стране исхода характерна только для тех, кто состоит в браке с соотечественниками, – 20% сообщили, что планируют дать образование детям в той стране, откуда они приехали. Среди иммигрантов с супругами-россиянами таких только 4% (данные 2017 г.).

Важнейший показатель культурной интеграции мигрантов – язык общения. Те, кто состоит в браке с россиянами, значительно чаще говорят на русском языке в разных сферах жизни: на работе, дома, в неформальном общении с друзьями и знакомыми. На работе на русском языке говорят 80,9 против 70,8% состоящих в браке с иностранцами. Особые различия видны в домашнем общении – русский язык здесь является основным у 71,8% первых и только у 32,3% вторых, в общении с друзьями – 64,7 и 38,4% соответственно. Данные опроса 2020 г. показывают фактически идентичные данные об использовании русского языка в трудовой сфере и даже большие расхождения – в неформальном и домашнем общении двух сравниваемых групп иммигрантов (табл. 8).

Помимо языка общения важными показателями интеграции в культурной сфере являются доверие и чувство принадлежности иммигрантов новому обществу, а также разделяемые с принимающим обществом ценности.

Эстев и Буэно [Esteve, Bueno, 2012] приходят к выводу, что социальные сети мигрантов (и включение в них, как физическое, так и ментальное. – *Прим. авт.*) пропагандируют эндогамные браки. Этот тезис подтверждают данные о доверии мигрантов из сравниваемых нами групп «своим» и «чужим» (людям своей и иной национальности). Респонденты, состоящие в браке с соотечественниками, больше доверяют всем (12,9%) и большинству (52,2%) людей своей национальности, чем иммигранты, чьи партнеры – россияне (9,6% и 47,5% соответственно, данные 2017 г.). Последние более склонны доверять «иным»

Таблица 8

Использование русского языка в разных сферах жизни в зависимости от гражданства супругов, в % от проживающих в РФ с партнером

Язык общения		На каком языке вы чаще всего общаетесь в России...					
		на работе?*		с друзьями?		дома?	
		гражданство мужа/жены					
		ИГ**	РФ	ИГ	РФ	ИГ	РФ
На русском	2017	70,8	80,9	38,4	64,7	32,3	71,8
	2020	71,8	81,0	28,8	56,9	20,2	75,9
На русском и на другом в равной степени	2017	20,4	12	43,3	28,7	30,4	20,3
	2020	22,7	10,3	50,9	27,6	28,2	15,5
На другом	2017	1,9	0,2	18,1	6,3	37,1	7,8
	2020	1,8	3,4	20,2	15,5	51,5	8,6
Не относится, з/о	2017	6,9	7	0,2	0,3	0,1	0,2
	2020	3,7%	5,2%	–	–	–	–

Примечания. *Данные 2017 г.: χ^2 Пирсона для сферы «работа» = 34,39, «друзья» – 143,26, «дом» – 333,94, во всех случаях значимо на уровне 0,001. Данные 2020: χ^2 Пирсона для сферы «работа» = 45,72, значимо на уровне 0,05; «друзья» – 15,009, значимо на уровне 0,01; «дом» – 60,314, значимо на уровне 0,001. **ИГ – иностранное гражданство.

(людям других национальностей) – 32,8 против 23,9%¹⁴ состоящих в браке с иностранными гражданами (данные 2020 г.).

Вступление в брак с россиянами усиливает у иммигрантов и чувство принадлежности к принимающему обществу по сравнению с теми, кто проживает с партнером-иностранцем, – актуализированная общероссийская идентичность («частое» ощущение единства со всеми гражданами России) фиксируется на уровне 49,7 и 33,4% соответственно по общероссийской выборке 2017 г.¹⁵ (рис. 1). Такие же тенденции в локальной российской идентичности (чувство общности с жителями города, села проживания в России).

На рис. 1 также показано, что у респондентов, состоящих в браке с россиянами, несколько ниже актуализированная идентичность страны исхода (чувство общности с гражданами страны, из которой приехали), чем у иммигрантов, чьи супруги являются соотечественниками¹⁶. Этническая идентичность (чувство близости с людьми своей национальности) несколько сильнее у иммигрантов, состоящих в браке с соотечественниками (рис. 1). Религиозная идентичность значимо не различается между двумя сравниваемыми группами.

Россия принимает иммигрантов главным образом из стран, ценности которых могут отличаться от представлений значительной части принимающего общества ввиду культурных и религиозных особенностей (граждане государств Средней Азии и Закавказья

¹⁴ Сумма ответов «всем» и «большинству» на вопрос: «Какой части людей других национальностей вы можете доверять?».

¹⁵ В Московском регионе по опросу 2020 г. соотношение 62,1 и 58,3% соответственно. Такие различия в данных 2017 и 2020 гг. связаны с географией выборок, а также с контингентами респондентов: в 2020 г. основную часть выборки составляли граждане государств Средней Азии, которые по нашим наблюдениям могут выражать несколько большую лояльность (проявлять эффект т.н. «социальной желательности»).

¹⁶ 48,8 и 55,6% соответственно, в 2020 г. – 50 и 65,6%.

Рис. 1. Структура идентичностей иммигрантов в зависимости от гражданства супругов, 2017 г., в % от проживающих в РФ с партнером

с преимущественно мусульманским и/или населением, придерживающимся консервативных ценностей) (подробнее о ценностях иммигрантов и россиян см.: [Эндрюшко, 2022]).

В нашем опросе было два типа ценностей – гендерные установки (на примере отношения к равенству образовательных возможностей) и показатели сексуальной либерализации (их также называют ценности индивидуального выбора) на примере допустимости разводов и добрачных сексуальных отношений (подробнее о методологии исследования ценностей см.: [там же]).

Респонденты, состоящие в браке с россиянами, показали более либеральное отношение ко всем рассмотренным ценностям. Во-первых, они чаще поддерживают гендерное равенство – 23,2% из них согласны (сумма ответов «полностью согласен» и «скорее согласен») с утверждением, что «высшее образование важнее для мальчика, чем для девочки» (76,8% «скорее не согласны» и «полностью не согласны»), в то время как мигранты, состоящие в браке с соотечественниками, солидарны с этим тезисом в 41,6% случаев (58,4% – не согласны). Во-вторых, они более либеральны в отношении ценностей индивидуального выбора¹⁷: 30 и 22,6% из них крайне консервативны в вопросах добрачных сексуальных отношений и разводов соответственно. Среди мигрантов, состоящих в браке со «своими», 55,8% категорически не приемлют добрачные связи, 45,4% – развод (рис. 2).

К ценностным установкам можно отнести и форму брака. Именуемый в повседневном общении «гражданский брак» является альтернативным типом союза – сожительством. Рядом исследователей соительство рассматривается как показатель современных

¹⁷ Ответы на вопрос: «Как вы считаете, в какой степени развод/сексуальные отношения до брака может(могут) быть оправдан(ы)?». Ответы измерялись по шкале от 1 до 10, где 1 – «никогда нельзя оправдать», 10 – «всегда можно оправдать».

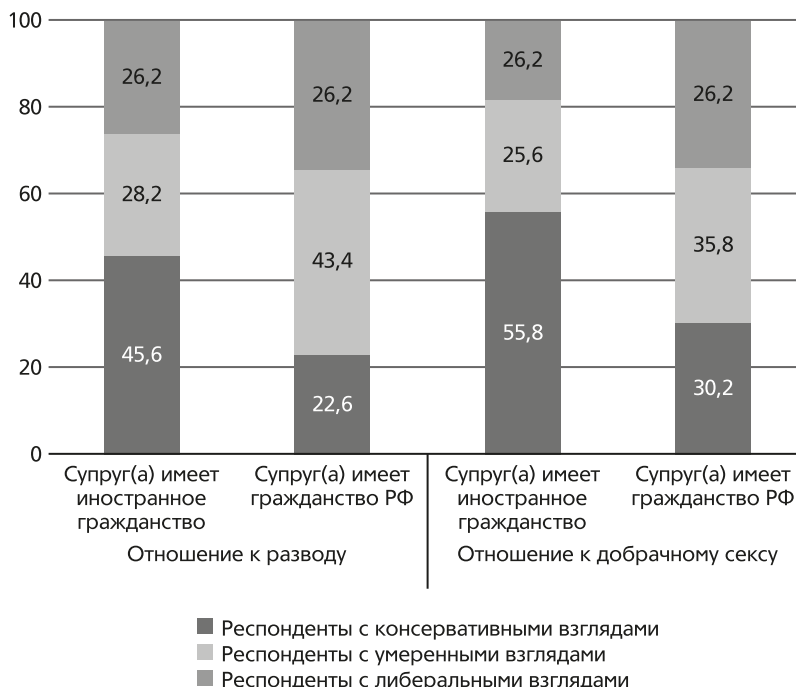

Рис. 2. Взгляды иммигрантов на допустимость разводов и добрачного секса в зависимости от гражданства супругов, 2020 г., в % от проживающих в России с партнером

Примечание. К консервативным респондентам отнесены те, кто никогда не может оправдать предлагаемое событие (ответ 1), к либеральным – кто может оправдать всегда (ответ 10), к умеренным во взглядах – те, кто может оправдать в той или иной ситуации (ответы 2–9).

семейных ценностей [Lesthaeghe, 2010]. Оно получило распространение среди коренного населения многих европейских стран, а также в России.

Среди мигрантов, супруги которых также являются иностранцами, 88% состоят в зарегистрированном браке, в то время как имеющие партнеров-россиян официально оформили отношения в 70% случаев (данные 2017 г., в опросе 2020 г. – соотношение 85,3 и 65,5%). Для последних гражданский брак более распространенное явление – 25,8% против 7,6% тех, чьи супруги являются иностранцами¹⁸ (в опросе 2020 г. – 25,9% и 9,2% соответственно).

Выводы. Иммигранты не оторваны от брачного рынка своей страны, но для них открывается и новый брачный рынок, страны принимающей, что дает им право выбора. В российской ситуации мы можем говорить о том, что «импортирование» супругов с родины остается пока подавляющим трендом для иммигрантов из постсоветских государств – три четверти опрошенных состоят в союзе с иностранными гражданами, более 95% из которых – соотечественники, более 85% – той же этничности. Это подчеркивает важность этнокультурной дистанции между иммигрантами и принимающим российским обществом в сфере личных взаимоотношений. Вместе с тем четверть опрошенных иностранных граждан состоят в той или иной форме брака с россиянами.

¹⁸ Дополнительные распределения с включением принадлежности к той или иной религии не вносят существенных изменений в результаты.

Брачный выбор иммигрантов в России можно считать значимым показателем интеграции, поскольку имеющие супругов – граждан РФ в целом показывают лучшие результаты по многим ее показателям, чем находящиеся в браке с соотечественниками.

На брачный выбор влияют социально-экономические характеристики респондентов, в первую очередь образование, – его более низкий уровень связан с эндогамными союзами, для более образованных мигрантов смешанные браки более вероятны.

Мы не можем назвать брак с россиянами мостом к получению российского гражданства, поскольку нет значимой связи между брачным выбором и документированностью иммигрантов. Состоящие в браке с россиянами иностранцы – это в подавляющем большинстве долгосрочные мигранты, решившие связать свою жизнь со страной приема (остаться в России навсегда), зачастую уже имеющие вид на жительство и вступившие на путь натурализации или имеющие подобное намерение.

Выбор в качестве супругов граждан страны приема выступает показателем определенной культурной открытости мигрантов, поскольку среди таких партнеров есть и русские (подавляющее большинство), и люди других национальностей, и «свои» (с неизвестным миграционным прошлым)¹⁹. Показателем открытости для них является и более высокий уровень межэтнического доверия к людям других национальностей, чем у тех, кто женится на «своих», и, соответственно, «своим» же больше доверяет.

Брачный выбор вносит коррективы и в структуру идентичностей. У иммигрантов, состоящих в браке с россиянами, формируется более актуализированная российская идентичность и несколько ослабевает чувство принадлежности к стране выхода по сравнению с группой состоящих в браке с соотечественниками. Вместе с тем не происходит значимых сдвигов в этнической и религиозной идентичностях. Это позволяет нам говорить, что смешанные браки иммигрантов и россиян не сопряжены с культурной ассимиляцией, но сильная этническая и религиозная идентичности могут выступать барьерами для них.

Также выбор в качестве супругов россиян связан с модернизированностью ценностей представлений иммигрантов, смещением их на более «европеизированные», такие как гендерное равенство и личная свобода. В этом смысле брачный выбор иммигрантов означает не только выбор партнера, но отчасти и выбор более свободного образа жизни, чем принят в его/ее родной культуре.

Таким образом, браки иммигрантов и россиян стоит рассматривать как индикатор интеграции, понимаемой не как поглощение иммигрантов принимающим обществом, а как процесс встречного движения их культур²⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / Отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Бирюкова С.С. Вклад международных мигрантов в рождаемость и брачность регионов России // Современные исследования миграции населения: Сб. ст. / Под ред. Е.В. Донец, О.С. Чудиновских. М.: Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 19–30.
- Лурье С.В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 122–148. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077.
- Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2013.
- Сивоплясова С.Ю. Брачный рынок России как составляющая международного брачного рынка // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2020. № 1. С. 55–61.

¹⁹ Люди своей этничности, но выросшие в другой культурной среде, в частности в России, также могут иметь иные культурные паттерны, чем иммигранты.

²⁰ Определение интеграции как «встречного движения культур принимающего социума и иммигрантов, смешение культурных норм и ценностей, ... возможно, противоречащих друг другу», сформулировано В.И. Мукомелем и развивается в исследованиях сотрудников Сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии ФНИСЦ РАН, к которым принадлежит и автор данной статьи.

- Сивоплясова С.Ю., Рязанцев С.В. Брачное поведение женщин-мигранток из стран Центральной Азии // *Женщина в российском обществе*. 2021. Спец. выпуск. С. 136–149. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9.
- Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8. № 1. С. 68–91. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6.
- Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // *Демографическое обозрение*. 2015. № 1(4). С. 96–123. DOI: 10.17323/demreview.v1i4.1804.
- Сусоколов А.А. *Межнациональные браки в СССР*. М.: Мысль, 1987.
- Эндрюшко А.А. Трансформация ценностей иммигрантов в контексте их культурной интеграции: отношение к разводам и добрым сексуальным отношениям // *Демографическое обозрение*. 2022. Т. 9. № 3. С. 58–74. DOI: 10.17323/demreview.v9i3.16470.
- Esteve A., Bueno X. Marrying after migration: Assortative mating among Moroccans in Spain // *Genus*. 2012. No. 68(1). P. 41–63. DOI: 10.4402/genus-361.
- González-Ferrer A., Obućina O., Cortina C., Castro Martín T. Mixed marriages between immigrants and natives in Spain: The gendered effect of marriage market constraints // *Demographic Research*. 2018. No. 39(1). P. 1–32. DOI: 10.4054/DemRes.2018.39.1.
- Kalmijn M. Inter-marriage and homogamy: Causes, patterns, trends // *Annual Review of Sociology*. 1998. No. 24. P. 395–421. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.395.
- Kalmijn M., van Tubergen F. Ethnic intermarriage in the Netherlands: Confirmations and refutations of accepted insights // *European Journal of Population*. 2006. No. 22(4). P. 371–397. DOI: 10.1007/s10680-006-9105-3.
- Kantarevic J. Interethnic marriages and economic assimilation of immigrants // IZA–Institute for the Study of Labor, Discussion Paper Series. 2004. No. 1142.
- Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition // *Population and Development Review*. 2010. No. 36(2). P. 211–251. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x.
- Lucassen L., Laarman C. Immigration, intermarriage and the changing face of Europe in the post war period // *History of the Family*. 2009. No. 14(1). P. 52–68. DOI: 10.1016/j.hisfam.2008.12.001.
- Meng X., Gregory R. Inter-marriage and the economic assimilation of immigrants // *Journal of Labor Economics*. 2005. No. 23(1). P. 135–175. DOI: 10.1086/425436.
- Meng X., Meurs D. Inter-marriage, language, and economic assimilation process: A case study of France // IZA–Institute for the Study of Labor, Discussion Paper Series. 2006. No. 2461.
- Park R. Human Migration and the Marginal Man // *American Journal of Sociology*. 1928. No. 33. P. 881–893.
- Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants among Post-1965 Immigrant Youth // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. No. 530. P. 74–98.
- Song M. Is intermarriage a good indicator of integration? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2009. No. 35(2). P. 331–348. DOI: 10.1080/13691830802586476.
- Stonequist E. *The Marginal Man*. New York: Charles Scribner's Sons, 1937.
- van Tubergen F., Maas I. Ethnic intermarriage among immigrants in the Netherlands: An analysis of population data // *Social Science Research*. 2007. No. 36(3). P. 1065–1086. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2006.09.003.

Статья поступила: 13.04.23. Финальная версия: 25.05.23. Принята к публикации: 05.06.23

MARRIAGE CHOICE OF IMMIGRANTS IN RUSSIA: MAIN CHARACTERISTICS AND RELATIONSHIP WITH INTEGRATION

ENDRYUSHKO A.A.

Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia

Anna A. ENDRYUSHKO, Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (anna.endryushko@mail.ru).

Abstract. The article shows features of the choice of spouses by immigrants from the CIS, Ukraine and Georgia in Russia, as well as the relationship of marriage choice to integration of foreign citizens in Russian society. The empirical basis of the study was sociological surveys of immigrants conducted by the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2017 and 2020 (8577 and 700 respondents respectively). The preservation of the ethno-cultural distance between immigrants and the host Russian society is shown, since the “importing” of spouses from their homeland remains overwhelming. During the study, two groups of respondents were identified: whose spouses have and do not have Russian citizenship. The author analyzes the integration parameters of these groups and comes to the conclusion that the former are better integrated into the host society. Particular attention is paid to cultural integration. It is shown that the choice of Russians as spouses contributes to the formation of interethnic trust and a sense of belonging to the host society (all-Russian identity) among immigrants, as well as more modernized values, such as gender equality and personal freedom. At the same time, it is concluded that mixed marriages of immigrants and Russians are not associated with cultural assimilation, they should be considered as a process of counter movement of their cultures.

Keywords: mixed marriages, cultural integration, immigrant values, ethnocultural distance, ethnic identity.

REFERENCES

- Biryukova S.S. (2015) The contribution of international migrants to the birth rate and marriage rate of Russian regions. In: Donets E.V., Chudinovsky O.S. (eds) *Modern studies of population migration*: Coll. of art. Moscow: Ekon. f-t MGU im. M.V. Lomonosova: 19–30. (In Russ.)
- Endryushko A.A. (2022) Transformation of immigrant values in the context of their cultural integration: attitude to divorce and premarital sexual relations. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. No. 3(9): 58–74. DOI: 10.17323/demreview.v9i3.16470. (In Russ.)
- Esteve A., Bueno X. (2012) Marrying after migration: Assortative mating among Moroccans in Spain. *Genus*. No. 68(1): 41–63. DOI: 10.4402/genus-361.
- González-Ferrer A., Obućina O., Cortina C., Castro Martín T. (2018) Mixed marriages between immigrants and natives in Spain: The gendered effect of marriage market constraints. *Demographic Research*. No. 39(1): 1–32. DOI: 10.4054/DemRes.2018.39.1.
- Kalmijn M. (1998) Inter-marriage and homogamy: causes, patterns, trends. *Annual Review of Sociology*. No. 24: 395–421. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.395.
- Kalmijn M., van Tubergen F. (2006) Ethnic intermarriage in the Netherlands: confirmations and refutations of accepted insights. *European Journal of Population*. No. 22(4): 371–397. DOI: 10.1007/s10680-006-9105-3.
- Kantarevic J. (2004) Interethnic marriages and economic assimilation of immigrants. *IZA-Institute for the Study of Labor. Discussion Paper Series*. No. 1142.
- Lesthaeghe R. (2010) The unfolding story of the second demographic transition. *Population and Development Review*. No. 36(2): 211–251. DOI:10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x.
- Lucassen L., Laarman C. (2009) Immigration, intermarriage and the changing face of Europe in the post war period. *History of the Family*. No. 14(1): 52–68. DOI: 10.1016/j.hisfam.2008.12.001.
- Lurie S.V. (2018) Interethnic marriages in the modern Russian national scenario. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [Petersburg Sociology Today]. No. 10: 122–148. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077. (In Russ.)
- Meng X., Gregory R. (2005) Inter-marriage and the economic assimilation of immigrants. *Journal of Labor Economics*. No. 23(1): 135–175. DOI: 10.1086/425436.
- Meng X., Meurs D. (2006) Inter-marriage, language, and economic assimilation process: a case study of France. *IZA-Institute for the Study of Labor, Discussion Paper Series*. No. 2461.

- Mukomel V.I. (2013) *Migrant integration policy in Russia: challenges, potential, risks: workbook*. Moscow: Spetskniga. (In Russ.)
- Mukomel V.I., Grigorieva K.S. (eds) (2022) *Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators*. Moscow: FNIS RAN, 2022. (In Russ.)
- Park R. (1928) Human Migration and the Marginal Man. *American Journal of Sociology*. No. 33: 881–893.
- Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants among Post-1965 Immigrant Youth. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. No. 530: 74–98.
- Sigareva E.P., Sivoplyasova S.Yu. (2022) The impact of external migration on marriage and fertility in modern Russia. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* [Research Result. Sociology and management]. No. 8 (1): 68–81. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6. (In Russ.)
- Sivoplyasova S.Yu. (2020) The marriage market of Russia as a component of the international marriage market. *SOTIS – social'nye tekhnologii, issledovaniya* [SOTIS – social technologies, research]. No. 1: 55–61. (In Russ.)
- Sivoplyasova S.Yu., Ryazantsev S.V. (2021) Marriage behavior of female migrants from Central Asian countries. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. [Woman in Russian Society]. Special issue: 136–149. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9. (In Russ.)
- Song M. (2009) Is intermarriage a good indicator of integration? *Journal of Ethnic and Migration Studies*. No. 35(2): 331–348. DOI: 10.1080/13691830802586476.
- Soroko E.L. (2015) Ethnically mixed families in the Russian Federation. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. No. 1(4): 96–123. DOI: 10.17323/demreview.v1i4.1804. (In Russ.)
- Stonequist E. (1937) *The Marginal Man*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Susokolov A.A. (1987) *Interethnic marriages in the USSR*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- van Tubergen F., Maas I. (2007) Ethnic intermarriage among immigrants in the Netherlands: An analysis of population data. *Social Science Research*. No. 36(3): 1065–1086. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2006.09.003.

Received: 13.04.23. Final version: 25.05.23. Accepted: 05.06.23.